

стихе) писал и Карамзин. Из определения Хераскова следует, что употребляемый им размер — «русский», «древний» и не являющийся ни ямбом, ни хореем.

Первым поэтом, осмыслившим «русский склад», был Н. А. Львов, который в 1793 г. напечатал «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго», указав в подзаголовке: «Переложена на русский язык образом древнего стихотворения» (т. е. стихосложения). Затем Львов «русским складом» («строем») сочинил «богатырскую песнь» «Добрыня», где, как и последующие поэты (Карамзин, Радищев, Херасков и др.), недвусмысленно отказался от традиционных метров (стоп):

Не бессудьте, пожалуйста,
Люди добрые, русской строй. . .
. . . Но что, товарищи,
Что уста ваши ужимаете? . .
На хореях вы подмостилися,
Без экзаметра, как босой ногой,
Вам своей стопой больно выступить.
Нет, приятели! в языке нашем
Много нужных слов поместить нельзя
В иноземские рамки тесные.
Анапест, спондеи, дактили
Не аршином нашим мерены,
Не по свойству слова русского
Были за морем заказаны. . .

Нельзя не видеть, что приведенный отрывок состоит из трех ритмически различных фрагментов. Последнее четверостишие («Не аршином нашим мерены»), с точки зрения большинства стиховедов, написано четырехстопным хореем с дактилической клаузулой (как «Илья Муромец», например). Первое двустихие («Не бессудьте, пожалуйста») для стиховеда — двустопный анапест (как «Неверность» М. Н. Муравьева, с той разницей что в последней — женская клаузула). Относительно средней части («На хореях вы подмостилися») мнения стиховедов разойдутся. Между тем для Львова эти и подобные «меры» объединены каким-то общим метрическим принципом в один «русский строй», и уж ни в малейшей степени это не хорей и не анапест, от которых поэт открепивается весьма решительно.

Столь же четко А. Н. Радищев указывал на две особенности стиха поэмы «Бова»: «Без складов она (т. е. без стоп.— В. З.), без рифмы».

Правда, сравнительно недавно К. Д. Вишневецкий сделал попытку дискредитировать высказывание Хераскова, объявив его «яв-